и для широкого круга лингвистов. Будем надеяться, что в скором времени читатели получат возможность познакомиться и с завершающей частью «Направлений современного языкознания».

Березин Ф. М., Ромашко С. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Oswald Szemerényi: List of publications. 1937—1979.— In: Studies in diachronic, synchronic and typological linguistics. Festschrift for O. Szemerényi on the occasion of his 65-th birthday. Amsterdam, 1979, pt. 1.
2. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
3. Szemerényi O. Richtungen der modernen Sprachwissenschaft. Tl. 1: Von Saussure bis Bloomfield. 1916—1950. Heidelberg, 1971.
4. Гухман М. М. У истоков советской социальной лингвистики. — ИЯШ, 1972, № 4.
5. Швейцер А. Д. Некоторые теоретические проблемы социальной дифференциации языка в советском языкознании 20-х и 30-х годов. — Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommuni-

- kationsforschung. 1980, Bd. 33. Hf. 1.
6. Каймо Г. А. Типологические исследования в СССР. 20—40-е годы. М. 1981.
7. Current trends in linguistics. V. 1. Soviet and East European linguistics. The Hague, 1963.
8. Mounin G. La linguistique du XXe-siècle. Paris. 1972.
9. Langages, 1966, № 15.
10. Amirova T. A., O'chovkov B. A., Roždestvenskij Ju. V. Abriß der Geschichte der Linguistik. Leipzig. 1980.
11. Berезин F. M. Geschichte der sprachwissenschaftlichen Theorien. Leipzig, 1980.
12. Berезин F. M. Geschichte der sowjetischen Sprachwissenschaft. Leipzig, 1984.
13. Berезин F. M. The history of general and comparative linguistics in 19th century Russia.— Historiographia linguistica, 1979, v. 6, № 2.
14. Трубочев О. Н. Языкознание и этногенез славян.— ВЯ, 1984, № 2.
15. Гайденко П. П. Эволюция понятия науки: становление и развитие первых научных программ. М., 1980.
16. Философские основы зарубежных направлений в языкознании. Отв. ред. Панфилов В. З. М., 1977.

Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание). Для среднего и старшего школьного возраста. — М.: Педагогика, 1984. 352 с.

Лингвисты всегда чувствовали глубокую неудовлетворенность тем, как формируется представление школьника о языкознании. Если в области физики, химии, биологии школьное преподавание строится с учетом основ науки и новейших открытий в ней, то обучение языку (русскому, национальному, иностранному) на всех его этапах преследует исключительно практические цели: научить грамотно читать, писать и говорить на данном языке (для иностранного языка, разумеется, эти цели ограничиваются первыми двумя). Такая чисто эмпирическая постановка вопроса мешала решению и тех скромных задач, которые ставятся школьным образованием. Полезные навыки вырабатываются лучше и быстрее, если под них заложен фундамент научных знаний. Есть здесь и другая немаловажная сторона. Всякая наука содержит элемент эвристики, который всегда вызывает у молодежи повышенный интерес, а иной раз и энтузиазм. Успешное приобретение любых практических навыков при отсутствии интереса к предмету обучения вряд ли возможно. И, наконец, лингвистика в условиях научно-технической революции получает особое значение. Установление непосредственного общения пользователя с ЭВМ невозможно без решения главной, целиком лингвистической по своему характеру задачи — канонизации особым образом ограниченного естественного языка для общения человека с ЭВМ. Поэтому лингвистическое образование и воспитание необходи-

мо каждому школьнику, вне зависимости от того, какую специальность он выберет себе по окончании школы.

Рецензируемый «Энциклопедический словарь юного филолога» в большой мере способствует изменению той ситуации, которая сложилась в области среднего лингвистического образования. Мы думаем, что это издание адресовано в равной степени как ученику, так и учителю.

Акад. Г. В. Степанов в предисловии к Словарю пишет: «Одно из распространенных заблуждений состоит в том, что наука о языке — языкознание — смешивают с изучением языка в практических целях. Рыболов — это еще не ихтиолог, а знаток языков — еще не языковед, и общее писательство о языке — тоже не научное исследование».

Чтобы изучать язык научно, необходимы многие знания и умения. Лингвисту следует быть знакомым хотя бы с основами или элементами акустики, психологии, социологии, истории, литературоведения, теории информации, статистики, этнографии, антропологии, культурологии, текстологии, географии, философии... Яркий пример единства наук о человеке!

Здесь же создаются перекрестки научных путей, которые открывают новые научные связи: психолингвистика, лингвогеография, социолингвистика, этволингвистика, инженерная лингвистика, математическая лингвистика, лингвостатистика, философия языка, лингвостилистика. При этом лингвистика как таковая, как наука единая, не только не

теряет мощи и своеобразия своих методов но, обогащаясь сама, щедро делится ими с другими науками, и не только гуманитарными, но и естественными» (с. 7).

Весьма удачно определена тематика статей, авторами которых стал ряд известных лингвистов, специалистов в разных областях языкознания [составитель словаря — М. В. Панов, редакционная коллегия — Г. В. Степанов (главный редактор), Ф. Д. Ашнин, С. Г. Бархударов, В. А. Белошапкова, Ю. В. Васильев, Е. А. Земская, В. В. Иванов, В. Г. Костомаров (зам. главного редактора), Л. А. Новиков, А. В. Текучев, Н. И. Толстой, В. С. Хелемендик, О. С. Широков, В. В. Шкондин].

Всякая наука состоит как бы из двух частей: эволюционной и структурной. Первая изучает генезис объекта исследования, вторая — его структуру. И в той и в другой устанавливаются закономерности, и в той и другой существует своя эвристика. Не составляет исключения и языкознание. С его эвристическими результатами мы можем познакомиться в статьях Словаря независимо от того, какой из двух частей языкознания они посвящены. Особенно много внимания уделяется эвристическому аспекту в статьях, посвященных дешифровке различного рода письменностей и проблемам сравнительно-исторического языкознания (ларингальная гипотеза и др.). Важно, что в них авторы подробно останавливаются на методах исследования, вводя читателей в курс творческих удач и неудач ученых. Большая воспитательная роль такого рода приемов не вызывает сомнения. Исключительную важность имеют статьи, содержащие биографии лингвистов, внесших неоспоримый вклад в науку о языке. Их бескорыстное служение науке должно быть примером для молодежи, выбирающей свой жизненный путь. Хотелось бы особо подчеркнуть, сколь много значат для нас имена таких лингвистов, как П. С. Кузнецов, М. Н. Петерсон, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров, которых внешне старше поколение языковедов еще хорошо помнит лично, но имена которых, к великому сожалению, не попали ни в один энциклопедический справочник.

Разумеется, мы не можем рассмотреть сколько-нибудь значительное число статей «Энциклопедического словаря», но остановимся только на тех из них, которые представляют специальный интерес или типичны в каком-то отношении.

Статья «Агглютинативные и фюзийные языки» (с. 15—16) очень важна, потому что в ней вводятся понятия морфологической классификации языков. Методика, с помощью которой это реализуется, заслуживает всяческого одобрения. Автор начинает с рассмотрения конкретного примера склонения русского и узбекского слов со значением «девушка». В самом начале статьи представлена таблица «соотносительных словоформ обоих слов», по которой догадливый читатель сможет и сам установить закономерности сравниваемых морфологических структур. Условия те же, что и в известных лингвистических задачах А. А. Зализняка, однако

здесь автор статьи не предлагает решать задачу, рассчитывая на то, что читатель это сделает невольно, а затем из дальнейшего текста убедится, что он это сделал правильно. Такой подход, конечно, гораздо эффективнее просто описания особенностей морфологической структуры разных языков с последующим приведением иллюстративного материала.

Весьма важна статья «Акустическая классификация звуков речи» (с. 24—25): ее содержание мало известно даже учителям, получившим высшее филологическое образование. Вместе с тем мы не можем не обратить внимания на некоторую несогласованность статей «Энциклопедического словаря». В рассматриваемой статье речь идет о спектрограммах, получаемых с помощью специальных анализаторов речи — спектрометров. В то же время в статье «Инструментальная фонетика» (с. 113) приводятся лишь описание устройств для изучения артикуляции звуков и ничего не говорится о спектрограммах.

Статья «Балто-славянская общность» (с. 36—37) написана достаточно ясно. Автору удалось, не впадая в упрощенчество, избежать той путаницы понятий и концепций, которая, увы, царит в этой области нашей науки. В связи с этим хочется отметить большой познавательный интерес статей «Индоевропейская семья языков» (с. 117) и «Прародина индоевропейцев по данным языка» (с. 231—232), к которой приложена поучительная во многих отношениях карта. Хотелось бы лишь указать на то, что выбор между гипотезами о локализации носителей языков во многом определяется эффективной методикой обнаружения межязыковых контактов. Именно обнаружение праофинских языковых контактов позволило достаточно надежно локализовать носителей этих языков относительно друг друга. Что же касается индоевропейцев, то гипотеза о ближневосточной локализации их прародины подкрепляется обнаружением семитско-индоевропейских языковых контактов. Аналогичное замечание можно сделать и в адрес статьи «Прародина славян по данным языка». Начав разговор о статьях, посвященных сравнительно-историческому языкознанию, хочется сразу же предложить не ограничивать глубину проникновения индоевропейскими, угро-финскими, тюркскими и др. семьями. Думается, следовало бы включить в Словарь статью о постратических языках, изучение которых наиболее основательно проводилось нашим соотечественником В. М. Илличем-Свитычем, и статью о его прекрасной и трагической судьбе (подобно тому, как это удачно сделано в случае с М. Вентрисом в статье «Критское линейное письмо»). Кстати, биография М. Вентриса органично вплетена в историю его открытия, и такой способ жизнеописания людей науки также себя вполне оправдывает.

Хороши такие совсем разные по содержанию статьи, как «Внутренняя форма слова» (с. 51—52) и «Возникновение письма у славян» (с. 53—55). Первая из них написана ясно и доступно. Вторая отличается спокойным тоном историка,

время от времени прерываемым сообщениями о загадках, ждущих своего разрешения.

Достаточную информацию дает статья «География лингвистическая» (с. 58—61). Главное, однако, в ней то, что автору удается скупо, но вполне ясно показать, как пространственная стратификация языкового явления помогает восстановить его историю.

Нужной и удачной по изложению следует также признать статью «Глоттохронология» (с. 62—64). Несмотря на то, что эта методика была предложена достаточно давно, о ней мало что известно и филологам. Дискуссионная часть хорошо представлена в виде доводов противников глоттохронологии и контрдоводов ее сторонников.

Статьям по дешифровке разных письменностей фактически предпосылается статья «Дешифровка лингвистическая» (с. 76—77), в которой дается сжатое, но практически исчерпывающее определение основных средств, применяемых при дешифровке. Следовало лишь все частные статьи снабдить ссылками на эту общую.

Статья «Дистрибутивный анализ» (с. 88—92), как и первая из рассмотренных нами, начинается с конкретного примера, но дидактическая специфика здесь заключается в том, что пример взят из детективного рассказа Э. По, что сразу же значительно увеличивает эмоциональный заряд, способствующий усвоению весьма серьезного содержания статьи.

Весьма любопытна по содержанию и по своей судьбе статья «Единичный язык» (с. 100—104). Составитель без комментариев указал, что автором ее является А. А. Реформатский. Ее текст с небольшими купюрами заимствован из известного учебника по языкознанию того же автора и сейчас поражает современностью и ясностью постановки проблемы.

Статья «Звуковой символизм» (с. 106—107) содержит адекватное определение экспрессивной нагрузки звуков речи. Следовало лишь показать, как на современном этапе изучения проблемы используются экспериментальные методики. Ведь именно психолингвистический эксперимент сообщал экспрессивным оценкам звуков речи научную надежность и объективность.

В связи со статьями «Изоморфизм» (с. 112—113), в которой в доступной форме, ясно и четко изложена известная концепция Куриловича, хотелось бы сделать два замечания. Заключение о изоморфности звука и падежа на основании разложения падежа на дифференциальные признаки, как указывал Якобсон, неточно, ибо падеж является заместителем позиции в языках со свободным порядком слов и тем самым относится к синтагматике языка. Аналогичная неточность допущена в статье «Падеж» (с. 209—210). Там делается вывод о возможной встречаемости разных падежей в одной позиции. Приводимый в этой связи пример может быть отнесен лишь к лингвистическим раритетам. Далее следует заметить, что существенное уточнение могла бы внести статья «Уровни языковой системы» (по Бенвенисту).

Очень удачна статья «Интонация» (с. 114—117). В ней вполне популярно изложены научные достижения самого автора.

Чрезвычайно важна статья «Ларингальная гипотеза» (с. 140—141). В ней дается полное представление об одном из замечательных открытий в сравнительно-историческом языкознании и одновременно в неясном виде о языке как системе. Поэтому дидактическая сторона этой статьи весьма актуальна. Ее несколько большая сложность сравнительно с другими статьями не должна, как нам представляется, служить препятствием к пониманию. Думается, что другая крайность (чрезмерная облегченность) приводит к потере полезной информации.

Большую важность и актуальность представляет собой статья «Лингвистика текста» (с. 152—153). В ней отражено одно из самых последних и плодотворных направлений лингвистики, открывающих новый период в истории этой науки. Если прежде исследователи синтаксиса шли от слова и словосочетания и, как правило, редко выходили за пределы сложного предложения, то представители нового научного направления рассматривают текст как единое целое, обращая особое внимание на изучение тех его элементов, которые превращают его в таковое. Новые возможности в изучении столь трудно обозримых объектов, как цельнооформленный текст, открывает использование ЭВМ. С другой стороны, постановка современных задач в области кибернетики предполагает ввод больших массивов текста в память ЭВМ с их дальнейшей автоматической обработкой средствами ЭВМ. Все это делает особенно актуальной лингвистику текста как особое научное направление.

«Энциклопедический» словарь юного филолога содержит ряд статей, в которых рассматриваются проблемы, связанные с современными нуждами информатики и кибернетики. Здесь следует отметить статью «Ликкос» (с. 154—155), содержащую полезные сведения о проекте языка для космической связи. Специальная статья посвящена проблеме «Математика и язык» (с. 162—164). Правда, ее автор ограничился изложением метода описания синтаксической структуры предложения с помощью графов, сомневаясь, видимо, в том, что другие проблемы, возникающие в этой области, доступны для понимания читателей рецензируемого издания. К этой же проблематике примыкают статьи «Семантика» (с. 259—261) и «Семантические правила» (с. 261—265). В них описываются приемы семантического анализа, ведущие к лучшему пониманию фраз на естественном языке и открывающие возможности представления значений на формализуемом языке смысла. Это направление предполагает описание естественного языка в его полном виде. Другим направлением в области семантики является теория канонизации естественного языка, призванная служить созданию специальным образом ограниченного языка для непосредственного общения «человек — ЭВМ».

Из беглого по необходимости обзора статей «Энциклопедического словаря юного филолога» следует вывод о высоком профессиональном уровне издания, о дидактическом мастерстве авторов статей, о чрезвычайной полезности книги

для нашей школы. Мы надеемся, что «Энциклопедический словарь» будет неоднократно переиздаваться. Именно с этим связаны наши замечания и пожелания.

Мартынов В. В.

Григорьев В. П. Грамматика идиостиля. В. Хлебников. — М.: Наука, 1983. 224 с.

Книга В. П. Григорьева представляет собой первую часть исследования о поэтике Велимира Хлебникова; вторая часть, судя по упоминаниям автора, должна быть посвящена хлебниковскому словотворчеству, а далее напрашивается само собой исследование принципов хлебниковского словосочетания (поэтический синтаксис, стиль фразы, организация сверхфразовых единств). Работа, начало которой предлагается читателям, неожиданно оказывается едва ли не первым в нашей науке столь подробным очерком индивидуального языка и стиля писателя. Известные монографии В. Виноградова о Пушкине и члени совсем другую направленность: Пушкин выступал в них на фоне исторических традиций слово- и стилиупотребления. Здесь об этом не было речи: Хлебников, один из самых внеэрадикальных русских писателей, требовал иного рассмотрения — не по месту в истории, а по внутренней системности поэтического явления. Выбор этой темы, на которой отгачивается методология изучения «Грамматики идиостиля», был осознан: избирался идиолект, (1) достаточно близкий к современности, (2) сыгравший значительную роль в истории поэтического языка XX в., (3) не «простой», а «сложный», желательно даже «максимально сложный» (с. 9). Разумеется, каждое из этих трех достоинств материала оборачивалось трудностями совсем особенного рода. Трудности эти исследователю с честью преодолел.

Заглавие книги не может не напоминать о самой первой научной работе, посвященной Хлебникову, — о брошюре Р. Якобсона (1921) с ее программой разработки «поэтической диалектологии» (с. 212). Действительно, с тех пор за шестьдесят с лишним лет это первая научная попытка охватить исследованьем поэтику сложнейшего автора в целом, и попытка, увенчавшаяся беспорным успехом. Однако последовательность рассмотрения материала у автора — иная, чем у Якобсона: не от простейших наблюдений над языковой практикой Хлебникова, а от анализа главных понятий языковой (и не только языковой) теории Хлебникова, — той основы, где язык смыкается с мировоззрением (с. 192). Это вполне оправдано. Интерес Хлебникова к языку был не только практическим (как у всякого писателя), но и теоретическим — не в меньшей степени, чем, например, у Ломоносова или Карамзина; и он не в меньшей сте-

пени требует исследования именно с этой стороны. Это, кажется, признается всеми, писавшими о Хлебникове; но разработку на конкретном материале эта тема получает впервые.

В. П. Григорьев выделяет пять основных понятий «языкового мироощущения» Хлебникова: слово; язык в его внутреннем единстве; язык в разнообразии его раскрытия; число; музыка. Это — темы пяти центральных глав: «Самовитое слово», «Единый смертных разговор», «Гнездо „языков“ и образ языка», «Образ числа» и «Созвучия и раззвучия». Этим главам предшествует пространное «Введение», а за ними следуют главы-экскурсы «Несколько оппозиций» (внутренние соотношения в семантике поэтического мира Хлебникова), «Хлебников и Пушкин» (внешние соотношения в ней — темы воли, судьбы и т. д.) и «Еще раз, еще раз...» (моногографический анализ стихотворения, которое автор называет «хлебниковским „Памятником“»).

Из центральных глав книги, бесспорно, важнейшей оказывается «Гнездо „языков“ и образ языка». Здесь автору приходится преодолевать главную трудность своего материала — язык хлебниковских метаописаний. Прихотливая образность хлебниковской терминологии, говорящей не столько словами, сколько «намекami слов», способна привести в отчаяние любого систематизатора. Давно известен перечень двадцати «языков» своего творчества, составленный самим Хлебниковым: он производит впечатление насмешки над всякой классификационной логикой: «1) Числослово, 2) Заумный язык, 3) Звукопись, 4) Словотворчество, 5) Разложение слова (...), 9) Нежные сладкие слова, 10) Косое созвучие, 11) Целинные созвучия, 12) Вывихи слова (...), 16) Звездный язык, 17) Вращение слова, 18) Вурный язык, 19) Безумные слова, 20) Тайные «слова» (с. 84). В. П. Григорьев смело дополняет его упоминаниями о всех других подобных «языках», собранных во всех изданиях Хлебникова, изданных и неизданных: в результате перечень разрастается до 53 пунктов, включая также, как «речь двоякоумная», «поединок слов», «скоренение (согласных)», «опечатка», «разложение слова на аршины, стук счета и на звериные голоса» и т. д. А далее следует анализ этого списка, изъятие самоповторений, систематизация оставшегося и выявление тех хлебниковских текстов, которые могли стоять за этими обозначениями в сознании поэта — выявление